

Вчерашние коммунисты О КОММУНИЗМЕ

М. ДЖИЛАС

Г. ФАСТ

А. КАНТОРОВИЧ

**Изд-во СБОНРа
(Союз Борьбы за Освобождение Народов России)**

МЮНХЕН — 1958

Вчерашние коммунисты О КОММУНИЗМЕ

М. ДЖИЛАС

Г. ФАСТ

А. КАНТОРОВИЧ

**Изд-во СБОНРа
(Союз Борьбы за Освобождение Народов России)**

МЮНХЕН — 1958

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Главная цель этой брошюры — ознакомление ее читателей с основными положениями концепции Джиласа о теории и практике современного коммунизма — концепции, которую он излагает на двухстах тридцати пяти страницах своей книги «Новый класс», носящей подзаголовок: «Анализ коммунистической системы». В брошюре приведены также некоторые высказывания на эту же тему двух других авторов — Говарда Фаста и Альфреда Канторовица, которым, как и Миловану Джиласу, никак нельзя отказать в знании предмета их критики.

Милован Джилас — в недавнем прошлом один из самых высокопоставленных членов югославской коммунистической партии и, несомненно, крупнейший ее теоретик. Он, родившийся в 1914 году в Черногории, примкнул к коммунистам, будучи студентом Белградского университета, девятнадцати лет отроду. К началу второй мировой войны Милован Джилас был уже членом ЦК и Политбюро югославской компартии. Затем, по окончании в Югославии партизанской борьбы, в которой он принимал участие рука об руку с Тито, Джилас быстро пошел вверх по государственной служебной лестнице, одновременно сохраняя высокое положение в партии. Zenитом карьеры Джиласа следует считать 1953 год: Джилас был тогда членом Политбюро ЦК югославской компартии, ведая вопросами кадров и пропаганды, и с декабря того же года стал председателем Народного Собрания Югославии. А в следующем году, уже в январе, на пленуме ЦК югославской компартии Джиласа лишили всех его партийных и государственных постов, вменив ему в вину статьи, в которых он в последнее время стал критиковать режим, требовать «свободы внутрипартийных

дискуссий» и даже образования в стране второй партии — социалистической.

Но и после этого решения пленума ЦК Джилас не успокоился, а продолжал свою линию: он давал интервью корреспондентам западной прессы, содержащие прежние его требования реформ в Югославии. В результате Джиласа отдали под суд и приговорили к полутора годам тюрьмы условно (1955 г.).

Однако в октябре 1956 г. его судили снова. Поводом для этого послужило заявление Джиласа корреспонденту французского телеграфного агентства, критикующее позицию Югославии в ООН в связи с опасностью советского вооруженного вмешательства в венгерские революционные события. На суде в качестве обвинительного материала фигурировала также статья, которую Джилас незадолго до суда напечатал в американском социалистическом журнале «Нью-лидер», критикуя в ней не только режим Тито, но и коммунизм вообще. На этот раз Джиласа упрятали в тюрьму уже на три года.

Но затем выяснилось, что накануне ареста Джилас переправил в Америку рукопись своей книги «Новый класс» с просьбой опубликовать ее, не взирая на последствия, которые это может иметь для него, Джиласа. И книга вышла в свет, а последствия для Джиласа оказались такими: еще семь лет тюрьмы — это в дополнение к прежним трем. Итого, значит, десять лет тюремного заключения.

В предисловии к этой книге Джилас пишет:

«Почти все, что здесь высказано, уже было сказано где-нибудь раньше, хотя сказано иначе. Может быть, эта книга содержит кое-какие новые оттенки и настроения и несколько новых мыслей — вот и все».

И далее:

«Моей целью было дать картину коммунистического мира, а не философствовать . . . » Автор говорит также о своем стремлении дать в этой книге «краткий, но возможно более полный анализ современного коммунизма».

И, наконец, процитируем еще одно место из предисловия Джиласа:

«Я отходил от коммунизма постепенно и сознательно по мере того, как передо мной вырисовывались та картина и те

выводы, которые я излагаю в этой книге. И чем больше я отчуждался от реальности современного коммунизма, тем больше подходил к идее демократического социализма».

Таковы самые общие положения, которые Джилас счел необходимым высказать еще в предисловии. Что же касается его конкретных наблюдений над коммунизмом и оценок отдельных проявлений коммунизма, то об этом читатель узнает из цитат, приводимых нами в этой брошюре. Конечно, к концепции Джиласа, как и ко всему на свете, следует подойти критически, имея ввиду также то обстоятельство, что Джилас критикует коммунизм с марксистских позиций, оставаясь марксистом, и это, конечно, накладывает на его критику особый отпечаток, сужая ее диапазон и порою притупляя ее. Да и сам автор, говоря в предисловии о своем разочаровании в коммунизме, счел нужным сделать такую оговорку:

«И хотя я разочаровался, я не принадлежу к числу тех, у кого разочарование бывает особенно острым и доводит до крайностей».

Отметим также, что, вероятно, в результате спешки и вообще ненормальных условий, в которых Джиласу пришлось писать эту свою книгу, в ней встречаются логические погрешности, порою — явные противоречия и неоправданные повторения. Но в общем, на наш взгляд, Джилас совершил большое и доброе дело: будучи знатоком коммунистической теории и практики, а также критически мыслящим эрудитом, он поделился запасом своих знаний, наблюдений и заключений со всеми желающими осмыслить коммунизм как можно шире и глубже.

В известной мере это относится также к Говарду Фасту и Альфреду Канторовицу, чьи отдельные высказывания о коммунизме помещены в конце брошюры, — после изложения основных положений цельной концепции Милована Джиласа.

Издательство Союза Борьбы за Освобождение
Народов России (СБОНР)

ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ КОММУНИЗМА

Это начальная глава книги Джиласа «Новый класс». В этой главе дан генезис коммунистической теории и, в частности, показана эволюция марксизма, как и его первоначальные погрешности и просчеты. Отметив, что идеи Маркса оформлялись под влиянием целого ряда учений его предшественников, Джилас пишет:

«Маркс был уверен, что он откроет основные законы, управляющие жизнью общества, подобно тому, как Дарвин открыл законы, управляющие живыми существами. Во всяком случае, Маркс уяснил некоторые социальные законы, особенно же действие этих законов в период раннего промышленного капитализма.

Но самый этот факт, даже если считать его незыблемым, еще не может оправдать утверждение современных коммунистов, будто Маркс открыл все общественные законы. Еще меньше может он служить оправданием попытки коммунистов переделать человеческое общество, руководствуясь этими идеями, подобно тому, как в животноводстве руководствуются открытиями Ламарка и Дарвина. Человеческое общество нельзя сравнивать с видами животных или с неодушевленными предметами: оно состоит из отдельных людей и групп, которые постоянно меняются, растут и при этом действуют сознательно.

В притязаниях современного коммунизма на то, чтобы воплощать в себе, если не единственную и абсолютную, то, во всяком случае, высшую науку, основанную на диалектическом материализме, таятся семена деспотизма. Источник этих притязаний можно найти в учении Маркса, хотя Маркс их сам и не разделял».

«Исходя из предпосылки, что они одни знают законы, управляющие обществом, коммунисты приходят к упрощенному и ненаучному выводу, будто это знание уполномочивает их на захват власти и дает им исключительное право переделывать общество и распоряжаться его жизнью. В этом — основная ошибка коммунистической системы».

«Чем дальше, тем больше последователи Маркса проявляли склонность представлять его учение как законченное и всеобъемлющее мировоззрение и считать себя ответственными за продолжение его дела, которое они считали чем-то окончательным и незыблемым. Наука постепенно уступила место пропаганде и, вследствие этого, пропаганда все больше выдавалась за науку».

«Революционные идеи Маркса, которые были связаны с определенными условиями и не были применимы повсюду, Ленин превратил в абсолютные и универсальные принципы. В своей работе «Детская болезнь левизны в коммунизме», самом догматическом, пожалуй, из его произведений, Ленин развил эти принципы еще дальше и отошел от позиций Маркса, считавшего, что в некоторых странах революция не неизбежна».

«В тех странах, где политический и экономический прогресс был затруднен и где рабочий класс играл в обществе незначительную роль, постепенно возникла потребность превратить учение Маркса в систему и догму. Более того, в тех странах, где хозяйственные силы и общественные отношения еще не созрели для промышленных перемен, как в России или позднее в Китае, принятие революционной стороны учения Маркса и догматизации этого учения были наиболее быстрыми и полными».

«От первоначального марксизма не осталось почти ничего. На Западе эти идеи отмерли или отмирали; в странах восточной Европы, в результате установления коммунистического режима, от диалектики и материализма Маркса остался лишь осадок формализма и догматизма, который был использован для укрепления власти, оправдания тирании и насилия над человеческой совестью. На Востоке, хотя по существу и там отвернулись от марксизма, он по-

лучил силу в качестве не подлежащей изменениям догмы, могущество которой росло. Там он стал больше чем идеей, он стал новым режимом, новой экономикой и новой общественной системой.

Маркс, хоть он и дал своим ученикам толчок к такому развитию, сам его не хотел и не ожидал. История обманула этого большого ученого, как она обманула других, пытавшихся толковать ее законы».

«Если успех парламентских методов борьбы и забастовок укрепил реформистские течения в германской и других социал-демократических партиях, то у русских рабочих, которые не могли улучшить свое материальное положение ни на одну копейку, не вызывая кровавых репрессий, не было другого выхода, как взяться за оружие, чтобы избежать отчаянья и голодной смерти».

В данном случае у Джиласа проявилась ошибка столь характерная для людей крайне левых настроений: утверждение, что в 1917 году у рабочих России был лишь один выход — кровавая революция. Но далее, говоря о воцарении коммунизма в других странах, Джилас совершенно правильно констатирует, хотя и делает некоторое необоснованное исключение:

«Другие страны восточной Европы — Польша, Чехословакия, Венгрия, Румыния и Болгария — не подпадают под это правило; во всяком случае оно не относится к первым трем из этих стран. Революции они не испытали, поскольку коммунистическая система была навязана им мощью советской армии».

Глава «Исторические корни коммунизма» заканчивается такой оригинальной, хотя и не бесспорной мыслью:

«Современный коммунизм возник, как идея, одновременно с возникновением современной промышленности. Он отмирает или терпит поражения в тех странах, где промышленное развитие уже достигло своих основных целей. Он процветает в тех странах, где этого еще не произошло».

ОСОБЕННОСТИ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Эту, вторую, главу Джилас начинает с повторения той же мысли о примате нужд индустриализации в комплексе причин, порождающих коммунистическую революцию. Эта мысль, кстати сказать, проходит красной нитью через всю книгу Джиласа. Но обратимся снова к ее тексту.

«История показывает, что в тех странах, где произошла коммунистическая революция, другие партии тоже не были удовлетворены существовавшими там условиями. Лучшим примером в этом отношении может служить Россия, где партия, которая совершила коммунистическую революцию, не была единственной революционной партией.

Однако, только коммунистические партии были столь же революционны в своей борьбе со старым строем, как упорны и последовательны в своей борьбе за индустриализацию. На практике это означало радикальное устранение существовавшего до того режима собственности. Никакая другая партия не шла в этом отношении так далеко. Никакая другая партия не была столь «индустриальна».

И далее Джилас до конца второй главы говорит о вопросах, касающихся сравнительной характеристики революций, особенно подчеркивая при этом свойства, органически присущие революции коммунистической.

«Все так называемые буржуазные революции, все равно, совершались ли они снизу, то-есть с участием народных масс, как во Франции, или сверху, то-есть путем государственного переворота, как в Германии при Бисмарке, в конечном счете приводили к политической демократии. Это вполне понятно. Их основной задачей было уничтожение старой, основанной на деспотизме, политической системы и установление такого государственного строя, который соответствовал бы уже существующим хозяйственным и иным потребностям страны, особенно в отношении свободного производства товаров.

Совершенно иначе обстоит дело с современными коммунистическими революциями. Эти революции происходили не потому, что в экономике уже существовали новые, ска-

жем, социалистические производственные отношения, и не потому, что капитализм достиг чрезмерного развития. Напротив, они происходили потому, что капитализм еще недостаточно был развит, и потому, что он оказался неспособен преобразовать страну в целях индустриализации».

«В прежних революциях революционный взрыв и революционное насилие становилось помехой для хозяйственной жизни сразу же после свержения старого режима. В коммунистической революции они были условием для дальнейшего развития хозяйства и даже для прогресса вообще. В глазах прежних революционеров насилие было лишь неизбежным злом и средством для достижения их цели. У коммунистов оно возводится в культ и становится конечной целью. В прошлом, классы и другие социальные силы, которым предстояло образовать новое общество, уже существовали до того, как вспыхивала революция.

Коммунистические революции были первыми революциями в истории, которым приходилось создавать новое общество и новые социальные силы.

Подобно тому, как на Западе революции, после всех «отклонений» и «отступлений», неизбежно приводили к демократии, на Востоке они неизбежно приводили к деспотизму. На Западе методы террора и насилия становились ненужными, бессмысленными и даже мешали революционерам и революционным партиям проводить революцию. На Востоке положение было совершенно иным. Там деспотизм оставался в силе не только потому что индустриализация требовала столько времени, но, как мы далее увидим, продолжал оставаться в силе даже и после ее осуществления».

«В прежних революциях, особенно в так называемых «буржуазных», большое значение придавалось установлению личных свобод тотчас после прекращения революционного террора. Даже сами революционеры считали необходимым обеспечить законные права граждан. Неизменным конечным результатом всех этих революций была независимость суда. Коммунистический режим в Советском Союзе все еще далек от независимого суда, после сорока лет властвования. Конечным результатом прежних революций часто бывало установление большей законности и более ши-

рокое обеспечение гражданских прав. О коммунистической революции этого сказать никак нельзя».

«Может показаться, что коммунистические революции, это, главным образом, результат исторических заблуждений и случайностей. В известном смысле это верно. Ни для каких других революций не нужно было столько исключительных условий; никакие другие революции не обещали так много и не сделали так мало. Демагогии и подтасовки фактов коммунистические руководители избежать не могут, раз они вынуждены обещать самое, что ни на есть идеальное общество и «отмену всякой эксплуатации».

Нельзя, однако, сказать, что коммунисты обманули народ, то-есть, что они намеренно и сознательно делали не то, что обещали. На самом деле они просто неспособны были выполнить то, во что они искренне верили. Они не могут признаться в этом даже тогда, когда вынуждены проводить политику, противоречащую всему, что они обещали до и во время революции. С их точки зрения такое признание было бы равносильно признанию, что революция была ненужной. А это значило бы, что они сами стали лишними, ненужными. Такое признание для них, разумеется, невозможно».

«Но даже если цели коммунизма сами по себе были не-реальны, то коммунисты, в отличие от прежних революционеров, действовали вполне реалистически, добиваясь того, что было возможно. Они проводили революцию единственным возможным способом: путем утверждения своей абсолютной и тоталитарной власти. Их революция была первой революцией в истории, в которой революционеры не только остались на политической арене после победы, но и установили общественные отношения, совершенно противоположные тем принципам, в которые они верили, и обещаниям, которые они сами давали. Коммунистическая революция, в последующем процессе проводимой ею индустриализации, обращает самих революционеров в творцов и хозяев нового социального строя.

Предсказания Маркса, поскольку они были конкретны, оказались неверными. Еще в большей степени это можно сказать об ожиданиях Ленина, что при помощи диктатуры будет создано свободное, иначе говоря, бесклассовое общество».

«Для того, чтобы определить характер того строя, который возникает в ходе коммунистической революции и потом укрепляется в процессе индустриализации и коллективизации, необходимо глубже проанализировать роль и деятельность государства при коммунизме. Прежде всего, необходимо отметить, что при коммунизме государственный аппарат, в отличие от партийного, не представляет собой орудия, которое определяло бы производственные отношения и режим собственности; оно только служит опорой этих отношений и этого режима. Правда, все делается от имени государства и путем правительственных мероприятий. Но коммунистическая партия, включая профессиональную партийную бюрократию, стоит выше всех этих мероприятий, и любое из них именно ею и диктуется.

Именно бюрократия пользуется и распоряжается всей национализированной и обобществленной собственностью, как она распоряжается и всей жизнью общества. Роль бюрократии в этом обществе, то-есть, принадлежащее ей монопольное управление и распоряжение народным имуществом и народным доходом, ставит ее в особо привилегированное положение. Производственные отношения похожи на те, что свойственны государственному капитализму, тем более, что проведение индустриализации осуществляется не с помощью капиталистов, а при помощи государственного аппарата. Но на самом деле, функцию эту выполняет привилегированный класс, прикрывающийся государственным аппаратом и пользующийся им как своим орудием».

«В противоположность прежним революциям, коммунистическая революция, которая проводилась во имя уничтожения классов, привела к неограниченной власти одного, нового класса. Все остальное — маскировка и иллюзия».

НОВЫЙ КЛАСС

А теперь ознакомимся с третьей главой книги Джиласа, озаглавленной так же, как и вся книга: «Новый класс». Эту главу, в которой содержится квинтэссенция авторской критики коммунизма, мы процитируем как можно обстоятельнее:

«Самой большой иллюзией было предположение, что уничтожение капиталистической собственности, коллективизация и индустриализация в Советском Союзе приведут к бесклассовому обществу. В 1936 году, когда была обнаружена новая советская конституция, Сталин заявил, что «класс эксплуататоров» перестал существовать.

И в самом деле, класс капиталистов и другие прежние классы были уничтожены. Зато был создан новый класс, которого история до сих пор не знала».

«Ядром нового класса стала особая партия, партия большевиков. Ленин был прав, когда говорил, что его партия была исключением в истории человеческого общества, хотя, говоря это, он и не подозревал, что она положит начало новому классу.

Впрочем, родоначальников нового класса следует искать не столько в партии, например, большевистской партии, взятой в целом, сколько в той группе профессиональных революционеров, которые составляли ее ядро еще до того, как она пришла к власти».

«Но и он не понял, что они тем самым положили начало новому классу собственников и эксплуататоров.

Это не значит, что новая партия и новый класс — одно и то же. Но партия все же ядро этого класса и его основа. Трудно, а то и невозможно, определить границы нового класса и указать точно, кто его члены. В общем, однако, можно сказать, что к новому классу принадлежат все те, кто пользуется особыми привилегиями и хозяйственными преимуществами в силу своей классовой монополии по управлению государством.

Паразитизм сочетается тут с выполнением необходимых административных функций, причем не каждый член партии может рассматриваться как представитель нового класса подобно тому, как не каждый ремесленник или горожанин в старом обществе был представителем буржуазии.

В общем, можно сказать, что по мере того, как новый класс становится сильнее и приобретает более определенный облик, роль партии, как таковой, ослабевает. Ядро и основа партии создаются в партии и особенно на партийной верхушке, но они создаются также в государственных органах, в аппарате управления страной. Некогда живая,

сплоченная, полная инициативы партия исчезает и превращается в самую обыкновенную олигархию нового класса, неудержимо притягивающую в свои ряды всех, кто стремится примкнуть к новому классу, и отталкивающую всех, у кого есть какие-то идеалы.

Сначала партия создает класс, но затем класс начинает расти и пользуется партией, лишь как фундаментом. Класс становится все сильнее, а партия — слабее. Такова неизбежная судьба каждой коммунистической партии, пришедшей к власти».

Затем, разбирая вопрос о взаимоотношениях «нового класса» с рабочими и крестьянами, Джилас пишет:

«Они представляют собой те массы, на которые партия, то-есть, новый класс, должна опираться и с которыми ее интересы больше всего совпадают. Но это верно лишь до тех пор, пока новый класс не установит окончательно своей власти и могущества. После этого новый класс интересуется пролетариатом и крестьянской беднотой лишь постольку, поскольку он нуждается в них для развития производства и для того, чтобы держать в подчинении наиболее агрессивные и непокорные социальные силы».

«Когда критикуют коммунистический строй, его основную черту видят, обычно, в том, что народом правит бюрократия, организованная на подобие особого общественного слоя. Это, в общем, верно. Однако более тщательный анализ показывает, что лишь особый слой внутри самой бюрократии, состоящий из людей не занятых непосредственно административной работой, составляет ядро **правлящей** бюрократии или того, что я называю новым классом. Это и есть партийная или политическая бюрократия, тогда как другие бюрократы — всего лишь аппарат, подчиненный новому классу. Аппарат этот громоздок и медлителен, но без такого аппарата не может обойтись никакое социалистическое общество».

Затем, отметив социальные контрасты в современной советской действительности и, в частности, сравнив доходы партийной знати с доходами рабочих, Джилас констатирует:

«До революции быть членом коммунистической партии значило быть готовым на большие жертвы. Считаться революционером-профессионалом была очень большая честь.

Теперь, когда партия укрепилась в своей власти, быть ее членом значит принадлежать к привилегированному классу. И ядро этой партии составляют всемогущие эксплуататоры.

Долгое время коммунистическая революция и коммунистический строй скрывали свою настоящую природу. Появление нового класса затушевывалось социалистической фразеологией и, что еще важнее, новой, коллективной формой собственности. Но так называемая социалистическая собственность — не более, чем маска, под которой скрывается собственничество политической бюрократии».

Особый раздел этой главы Джилас посвящает этапам перерождения коммунистической теории и практики. Вот несколько цитат из этого раздела:

«В развитии современного коммунизма и в возникновении нового класса явно сказался характер тех, кто это развитие вдохновлял или играл в нем значительную роль».

«Ленинская партия была авангардной группой, сочетавшей революционную мораль и идеологическую монолитность с некоторой мерой демократичности. При Сталине эта партия стала массой мало интересовавшихся идеологией людей; все свои идеи они получали сверху, но были ревностны и единодушны в защите системы, гарантировавшей им не подлежащие сомнениям привилегии. Маркс никакой партии так и не создал. Ленин уничтожил все партии, кроме своей, — в том числе и социалистическую партию. Сталин даже и большевистскую партию отодвинул на второй план, превратив ее ядро в ядро нового класса, а всю партию в целом, в безличную и бесцветную массу привилегированных людей».

«Сталин создал новый класс самыми варварскими способами, не щадя даже и самого этого класса. Новый класс, поставивший его над собой, неизбежно должен был подчиниться этому неотесанному и ни перед чем не останавливающемуся человеку. Сталин был настоящим вождем нового класса в то время, когда класс образовывался и укреплял свою власть».

«После Ленина и Сталина пришло то, что должно было прийти: посредственность в образе коллективного руководства».

«Новый класс устал от догматических чисток и уроков политической грамоты. Он хочет жить спокойно. Достаточно укрепившись, этот класс ищет защиты даже от своего собственного, им же уполномоченного вождя. С его точки зрения, Сталин был хорош когда он сам, этот класс, был еще слаб, когда жестокие методы были необходимы даже против тех, кто в рядах самого нового класса проявлял склонность к каким-либо уклонам. Но теперь это стало ненужным. Не отказываясь ни от чего, что было создано под руководством Сталина, новый класс за последние несколько лет как будто уже не подчиняется сталинскому авторитету, но на самом деле он не от авторитета Сталина отказывается, а только от сталинских методов, которые по словам Хрущева, приносили вред «хорошим коммунистам».

«Героическая эра коммунизма прошла. Эпоха великих вождей кончилась. Настала эпоха практиков. Новый класс создан. Сейчас он в зените своей власти и благосостояния, но никаких новых идей у него нет. Ему нечего больше сказать народу».

Интересна также трактовка Джиласом понятия «коллективная собственность» и его экскурсы в историю в связи с этой трактовкой:

«Отличительной чертой этого нового класса является принадлежащая ему коллективная собственность. Недаром коммунистические теоретики утверждают, а некоторые из них даже верят, что коммунизм осуществил принцип коллективной собственности.

Коллективная собственность в различных формах существовала во всех ранних обществах. Все древневосточные деспотии основывались на преобладании собственности государства или государя. В древнем Египте пахотная земля перешла в частную собственность после 15-го века до нашей эры. До этого времени существовала частная собственность только на дома и на прилежавшие к ним строения. Государство давало землю для обработки, но государственные чиновники управляли ею и собирали налоги. Каналы и различные сооружения, так же как и важнейшие предприятия, принадлежали государству. Фактически, до того, как

Египет потерял независимость в первом веке нашей эры, все принадлежало государству.

Это помогает понять обожествление фараонов, царей или императоров, которое имело место во всех деспотиях древности. Такая форма собственности объясняет также проведение таких гигантских работ, как строительство храмов, мавзолеев, дворцов, каналов, дорог и укреплений».

«Коммунисты не придумали коллективной собственности, как таковой, но они придали ей всеобъемлющий характер».

Определяя основной стимул, который побуждал да и побуждает коммунистов предпринимать порою, казалось бы, самые безрассудные и к тому же жестокие решения, Джи-лас пишет:

«Коллективизация крестьянских хозяйств была экономически нерентабельна, но она была нужна новому классу для укрепления его власти и защиты его собственности.

Точных статистических данных по этому вопросу нет, но все имеющиеся сведения подтверждают, что по сравнению с урожаями в царской России, урожай на гектар в Советском Союзе не увеличился и что поголовье скота там до сих пор не достигло дореволюционного уровня.

Потери в урожае и в поголовье скота можно подсчитать, но что сказать о неисчислимых потерях в людской силе, о миллионах крестьян, которые были сосланы в концлагеря? Коллективизация была страшной, разрушительной войной, она была предприятием безумным, но полезным для нового класса, потому что она укрепляла его власть».

Кончается же эта глава таким резюме:

«Хотя новый класс и добился величайших успехов в революции, его способы властвования представляют собой одну из самых позорных страниц в истории человечества. Будущие поколения будут поражаться грандиозностью того, что он совершил, но будут стыдиться тех методов, которыми он этого добился.

Когда новый класс сойдет с исторической сцены — а это должно случиться — люди будут горевать о нем меньше, чем о любом другом классе, существовавшем до него. Уничтожив все, что не отвечало его эгоистическим интересам, новый класс сам себя осудил на неудачу и позорную гибель».

ПАРТИЙНОЕ ГОСУДАРСТВО

В этой главе изложены наблюдения и умозаключения, которые в большинстве своем столь же бесспорны, как и общеизвестны всем, кто по личному опыту знаком с коммунистическим государством. Однако все это Джиласом систематизировано, заключено в более или менее отточенные формулировки, то есть подано в форме, облегчающей осмысление темы. Вот отрывки, на наш взгляд, наиболее существенные:

«При коммунистической системе люди быстро начинают понимать, что разрешено и что не разрешено. Законы и постановления особого значения для них не имеют. Важны фактические, неписанные правила, определяющие отношения между правительством и его подданными. Независимо от того, что говорится в законах, каждый знает, что управление страной находится в руках партийных комитетов и тайной полиции. Так называемая «руководящая роль» партии нигде точно не определена, но ее власть твердо установлена во всех организациях и во всех областях жизни. Нет закона, который давал бы право тайной полиции руководить жизнью граждан, но на деле она всемогуща. Никакой закон не предписывает суду и прокурорам подчиняться тайной полиции и партийным комитетам, но на самом деле они им подчинены. Большинство людей знает, что это именно так. Каждый знает, что можно и чего нельзя делать и что от кого зависит. Люди приспосабливаются к обстановке и к фактическим условиям и обращаются по всем важным делам к партийным органам или к органам, находящимся под непосредственным партийным контролем».

«Методы установления тоталитарной власти или идеологического единства могут быть менее суровыми, чем сталинские, но сущность везде та же. Даже там, где индустриализация не могла служить предлогом для установления тоталитарной власти (например, в Чехословакии или Венгрии) коммунистическая бюрократия все равно вынуждена была вводить те же формы государственной власти, что и в Советском Союзе. И происходит это не просто потому, что Советский Союз навязывает эти формы зависимым от него

странам, а потому, что они связаны с самой сущностью коммунистических партий и с их идеологией».

«При коммунистической системе, вокруг политических вождей и партийных органов образуются замкнутые группы. Вся работа по принятию тех или иных решений сводится к борьбе внутри этих узких групп, в которых процветает принцип «свои люди, сочтемся». Чем такая группа высокопоставленной, тем, обычно, и семейственной. Ужины в своем кругу, поездки на охоту, беседы вдвоем или втроем — вот та обстановка, в которой решаются самые важные государственные вопросы. Собрания партийных органов, правительственные совещания и съезды существуют только для показа и для официальных заявлений. Они созываются лишь для подтверждения того, что уже было заранее решено в интимном кругу».

Отмечая парадоксальность взаимоотношений определенных частей коммунистической государственной машины, а также касаясь такого неотъемлемого признака всякого правового государства, каким является независимый суд, Джилас пишет:

«Не то чтобы в коммунистической системе государство и государственные функции сводились к принуждению и были тождественны с органами принуждения; скорей можно сказать, что государство, как организация народной и общественной жизни, **подчинено** этим органам. Устранить этот порок коммунизм неспособен, потому что, в силу своего собственного тоталитарного деспотизма, он неизбежно вступает в конфликт со всеми другими общественными течениями, а течения эти могут получить выражение даже и в общественных функциях государства.

По этой причине, а также в силу постоянной и неустрашимой склонности коммунистов рассматривать государство преимущественно, как орудие принуждения, коммунистическое государство не может стать правовым государством, т. е. государством, где суд был бы независим от правительства, и законность господствовала бы нераздельно. Коммунистическая система противится такому порядку вещей. Даже если бы коммунистические руководители и пожелали создать правовое государство, они не могли бы этого сделать, не подвергая опасности свою тоталитарную власть.

Независимый суд и господство законности сделали бы возможным появление открытой оппозиции. Собственно говоря, в коммунистических государствах нет закона, который запрещал бы высказывать свое мнение или учреждать общества, созывать собрания. Напротив, законы в этих государствах гарантируют гражданам всевозможные права и предусматривают независимый суд. Но на деле ничего этого нет.

Коммунистические режимы формально признают свободы, но исходят из одной решающей предпосылки: эти свободы могут быть использованы исключительно в интересах так называемого «социализма», за которым стоят коммунистические вожди, иначе говоря, исключительно для укрепления их власти. Это положение вещей, противоречащее существующим законам, неизбежно приводит к тому, что партийные и полицейские органы прибегают к самым суровым и аморальным методам. Формальная законность должна быть соблюдена, но и монополия власти тоже должна быть обеспечена».

«Но зачем коммунистической диктатуре пользоваться законами? Зачем ей прикрываться законностью?

Одна из причин — политическая пропаганда для внешнего мира. Другая важная причина, это тот факт, что коммунистический режим, в своих собственных интересах, должен утверждать и обеспечивать права тех, от кого он зависит — нового класса. Все законы, о которых идет речь, пишутся в интересах нового класса или, что то же, партии. Официально законы пишутся для всех граждан, но граждане могут пользоваться правами, предоставленными им законом только при условии, что они не являются так называемыми «врагами социализма». В результате коммунистов постоянно беспокоит мысль о том, как бы им не пришлось проводить в жизнь принятые ими законы. Поэтому они всегда оставляют в законе лазейку, дабы иметь возможность обойти собственный закон».

«Общеизвестны показная торжественность и внутренняя бессмыслица выборов в коммунистических странах. Пом-

нится, Эттли весьма остроумно назвал их «скачками, в которых участвует только одна лошадь». Но кое-что все же стоит сказать и об этом. Почему коммунисты не могут обойтись без выборов, даже если эти выборы никакого политического значения не имеют? Почему они не могут обойтись без такого сложного и дорого стоящего аппарата, как парламентские органы?

Здесь, опять-таки, играет роль пропаганда и внешняя политика. Но кроме того, никакое правительство, даже правительство коммунистическое, не может существовать, не имея под собой правовой основы. В современных условиях это достигается наличием выборного представительства. Народ должен формально одобрять все, что делают коммунисты.

Но есть и другая, более глубокая и важная причина существования парламентской системы в коммунистических странах. Верхушка партийной бюрократии, иначе говоря политическое ядро нового класса, должно одобрять мероприятия правительства, как своего высшего органа. Коммунистическое правительство может пренебрегать общественным мнением, но не мнением партии, не мнением коммунистов. Поэтому, хотя выборы в глазах коммунистов сами по себе никакого смысла не имеют, партийная верхушка все же тщательно отбирает тех людей, которые войдут в парламент. При отборе принимается во внимание все: служебный стаж, место, занимаемое данным лицом и роль, исполняемая им в партии и в стране, численное соотношение профессий, представленных в парламенте и так далее. С внутрипартийной точки зрения, выборы поэтому отнюдь не лишены значения: этим путем руководители распределяют среди пользующихся их доверием людей те функции партийной власти, которые они считают наиболее важными, а руководство в целом приобретает законное основание, чтобы действовать от имени партии, класса и народа».

«Коммунистические парламенты не в состоянии принимать сколько-нибудь важные решения. Подобранные заранее партией и польщенные таким вниманием с ее стороны, члены этих парламентов не имеют ни возможности, ни мужества обсуждать вопросы по существу, даже если бы они того хотели. Кроме того, поскольку их мандаты не зависят

от избирателей, депутаты парламента не чувствуют себя ответственными перед ними. Коммунистические парламенты совершенно справедливо называют «мавзолеями» для попавших туда депутатов. Их права и занятия состоят только в том, чтобы время от времени единогласно утверждать то, что было уже решено — за них и без них. Другого парламента этой системе не нужно; можно даже сказать, что всякий другой парламента был бы для нее лишним и обходился бы ей слишком дорого».

Джилас, не только теоретически, но и практически, к тому же и на собственной шкуре познавший механику коммунистического судопроизводства, теперь свидетельствует:

«Как организуются политические процессы?»

Прежде всего, по подсказке партийных аппаратчиков, партийная полиция устанавливает, что такой-то — «враг» существующих порядков; что, помимо всего другого, уже мнения, высказываемые им в беседах с близкими друзьями, представляют собой опасность — по крайней мере для местных властей. Следующий шаг, это подготовка к легальному устранению врага. Делается это либо с помощью провокаторов, которые вызывают намеченную жертву на «компрометирующие заявления» или склоняют ее к участию в нелегальной организации; либо с помощью простого доносчика, который дает показания против намеченной жертвы по указе полиции. Большинство нелегальных организаций в коммунистических странах организуются политической полицией для того, чтобы заманивать в них возможных оппозиционеров и ставить их в положение, при котором полиция может свести с ними счеты. Коммунистические правительства не удерживают «неблагонадежных» граждан от того, чтобы они нарушали закон и совершали преступления; наоборот, они толкают их на такие нарушения закона.

Сталин обычно действовал без суда и широко применял пытки. Но даже при отсутствии пыток и если дело разбирается судом, сущность остается та же: коммунисты сводят счеты со своими противниками не потому, что те совершили преступления, а потому, что они — противники. Можно смело утверждать, что большинство политических обвиняемых с правовой точки зрения были неповинны, хотя они и были противниками существующего режима. С коммуни-

стической точки зрения, эти противники режима наказываются в законном порядке, хотя для осуждения их может и не быть законного основания.

В тех случаях, когда граждане по собственной инициативе восстают против мероприятий режима, коммунистические власти расправляются с ними, не взирая на конституционные правовые гарантии. История нового времени не знает других столь жестоких, бесчеловечных и незаконных действий против оппозиции масс, как действия коммунистических правительств. Хорошо известны действия коммунистических властей в Познани, но они еще далеко не были самыми жестокими. Даже оккупационные и колониальные власти редко прибегают к столь суровым мерам, хотя они действуют как победители, на основании особого законодательства или законов военного времени. Коммунистические же правители проводят эти меры у себя дома, попирая собственные законы.

Даже если дело идет о неполитических вопросах, суды и законодательные органы не избавлены от вмешательства со стороны тоталитарной партийной власти. Новый класс и его отдельные представители то и дело вмешиваются в работу как судебных, так и законодательных органов. Это повседневное явление».

«Человеческую личность, по самой своей природе объединяющую в себе коллективные и индивидуальные начала, уничтожить невозможно, даже при коммунистической системе. Однако, в этой системе она более подавлена, чем в любой другой, и ее индивидуальные черты должны искать себе иное выражение.

Ее мир — это мирок мелких будничных забот. Когда эти заботы и потребности сталкиваются со всей громадой системы, монополюльно простирающей свою власть на всю материальную и духовную жизнь людей, то даже этот мирок оказывается несвободным и незащищенным. В коммунистической системе отсутствие уверенности в завтрашнем дне определяет жизнь личности. Государство дает человеку воз-

возможность обеспечить себе прожиточный минимум, но при условии его, человека, полного подчинения своей воле».

Приведем теперь большую цитату, в которой содержатся попытки Джиласа вскрыть причины определенного рода капитуляции народов перед коммунистическим режимом:

«Тем, кто не живет в условиях коммунистической системы, трудно понять, каким образом люди, каким образом мужественные и гордые народы могли дойти до такого отказа от свободы слова и труда. Самым верным, хоть и не полным объяснением этого положения вещей, следует считать ссылку на суровость и всеобъемлющий характер тирании. Но есть и более глубокие причины. Одна из этих причин — чисто теоретическая: народ должен утратить часть своей свободы в результате неудержимого стремления к перемене хозяйственного строя. С этим связана и другая причина — духовного и морального порядка. Поскольку вопрос об индустриализации становится вопросом жизни и смерти, социализм или коммунизм, как идейное выражение индустриализации, становится идеалом и надеждой, предметом веры и чуть ли не религиозной одержимости не только для коммунистов, но и для части народа. Таким образом, в представлении людей, не принадлежащих к прежним правящим классам, сознательный и организованный бунт против партии или против правительства оказывается равносильным измене родине и высшим идеалам.

Но все же основная причина отсутствия организованного сопротивления коммунизму заключается во всеобъемлющем, в тоталитарном характере коммунистического государства. Оно целиком пронизывает всю живую ткань общества и образующих его личностей, проникает в мышление ученых, во вдохновение поэтов, в мечты влюбленных. Восстать против него, значит не только погибнуть, испытать отчаяние подлинного одиночества, но и быть заклеянным обществом, быть отлученным от него. Для зажатой в железных тисках коммунистического режима личности, нет ни воздуха, ни света.

Ни та, ни другая из двух главных групп оппозиции, — ни оппозиция, идущая от прежних правящих классов, ни оппозиция, выросшая из самого коммунизма, — не нашла путей и средств, чтобы предотвратить это ограничение своей

свободы. Первая группа тянула назад, в то время как вторая вела бесцельную и безрассудную революционную деятельность и бесплодные догматические споры. Для нахождения новых путей условия еще не созрели.

Между тем народ инстинктивно не доверял коммунистической системе и оказывал сопротивление каждому мероприятию, даже и в мелочах. Нынче это сопротивление народа представляет самую большую и самую действенную угрозу для коммунистических правительств. Они и не знают больше, что думают и что чувствуют массы. Коммунистическим олигархам приходится править в атмосфере глубокого и зловещего недовольства.

Хотя история не знает примеров столь успешного подавления оппозиции, какие дает коммунистическая диктатура, верно вместе с тем и то, что никакая другая система не вызывала такого глубокого и широкого недовольства. Похоже на то, что чем больше подавляется сознание граждан и чем трудней возникнуть организованной оппозиции, тем глубже становится недовольство.

Тоталитарный характер коммунизма приводит к такому же всеобъемлющему недовольству, при котором постепенно стираются все различия во мнениях, и остаются только отчаянье и ненависть. Стихийного сопротивления, недовольства миллионов людей условиями повседневной жизни коммунисты не в силах преодолеть. Это подтвердилось во время советско-германской войны. Когда немцы напали на Советский Союз, у советских граждан, повидимому, было мало охоты оказывать сопротивление. Однако, Гитлер скоро показал, что его намерением было уничтожить Россию как самостоятельное государство и превратить славянские и другие народы Советского Союза в обезличенных рабов «герренфолька». Тогда в народных глубинах ожила вековая, неутасимая любовь к Родине. За все время войны Сталин никогда не говорил народу ни о советском правительстве, ни о социализме; он говорил только об одном — о Родине».

В разделе этой главы, посвященном национальному вопросу, Джилас высказывает такие суждения:

«Коммунисты — не националисты; для них упор на национализм, это только прием, среди многих других прие-

мов, при помощи которых они укрепляют свою власть. Ради этого они даже действуют иногда, как рьяные шовинисты. Сталин был грузинком, но и на практике, и в вопросах пропаганды он, в случае надобности, вел себя, как ярый великорусский шовинист. Даже Хрущев признал, что к числу «ошибок» Сталина относится истребление целых народов, действительно одно из самых страшных его деяний. Сталину и компании ничего не стоит использовать национальные предрассудки русского народа, точно так же, как если бы это были не русские, а готтентоты. Коммунистические вожди всегда готовы воспользоваться всем, что они считают для себя полезным. Они, например, проповедуют равноправие национальных бюрократий и называют это равноправием народа».

«В коммунистической среде встречаются как узкий бюрократический шовинизм, так и полное отсутствие национального сознания. Нередко обе эти черты сочетаются даже в одном и том же человеке и проявляются в зависимости от обстоятельств и требований момента. Язык, на котором говорят коммунисты, это совсем не язык их народов. Слова те же, но выражение, смысл, внутреннее содержание этих слов, все это совершенно иное.

Будучи приверженцами автархичной, замкнутой внутри самой себя системы, коммунисты, если это отвечает их интересам, могут быть и рьяными националистами. Народы, у которых некогда была своя история, своя надежда на будущее, у которых было свое неповторимое лицо, впали теперь в застой и влачат унылое, бесцветное существование под властью всемогущих, всезнающих и по существу своему не национальных олигархий. Коммунистам не удалось пробудить народы к новой жизни; в этом смысле они национального вопроса не разрешили. Что слышно нынче об украинских писателях и политических деятелях? Что произошло с этой нацией, живущей на территории такого же размера, как Франция, и бывшей когда-то самым развитым народом в России? Пожалуй, можно подумать, что под обезличивающим гнетом давящего сверху принуждения осталась только бесформенная людская масса.

Однако это все же не так.

Подобно тому, как все еще жива человеческая личность, как еще живы классы и живы идеи, так живы еще и народы. Они борются против деспотизма; они сохраняют нетронутыми свои отличительные черты. Их сознание и душа приглушены, но не сломлены. Хоть они и под ярмом, они не сдались. Силы, которые движут их нынче, это нечто большее, чем старый, так называемый «буржуазный» национализм; это — неистребимое желание быть хозяевами своей судьбы и на пути своего собственного свободного развития достигнуть более полного единения со всем человеческим родом».

А вот слова Джиласа, которые можно считать как бы итоговым заключением его размышлений в этой главе по вопросу о коммунистической диктатуре и народе .

«Действительность коммунистического режима — это нечто вроде постоянной гражданской войны между правительством и народом . . . »

ДОГМАТИЗМ В ЭКОНОМИКЕ

Эта глава интересна не столько констатацией конкретных уродств коммунистической экономики, сколько вскрытием их корней и объяснением действительных причин общего ее направления и характера. В соответствии со сказанным и цитируется нами эта глава.

«Развитие экономики при коммунизме, это не основа, на которой развивается режим, а только отражение его развития от революционной диктатуры к реакционному деспотизму. Весь ход этого развития, сквозь все споры и раздоры, показывает, как вмешательство правительства в экономику — на первых порах необходимое — постепенно становится предметом личного жизненного интереса для правящих бюрократов. На первых порах государство захватывает все средства производства в свои руки, чтобы распоряжаться всеми капиталовложениями, нужными для быстрой индустриализации. А под конец доходит до того, что все дальнейшее экономическое развитие получает направ-

ление, отвечающее, прежде всего, интересам правящего класса».

«В добавление к продиктованной исторической необходимостью быстрой индустриализации, коммунистической бюрократии надо было построить такую экономику, которая обеспечила бы сосредоточение власти в ее руках. Под предлогом уничтожения эксплуатации и создания бесклассового общества она построила замкнутую экономическую систему, основанную на той форме собственности, которая способствует безраздельному господству партии. Сначала коммунисты перешли к этой так называемой, «коллективной» форме собственности по объективным причинам, теперь же они продолжают укреплять ее, не считаясь с тем, служит ли она интересам народного хозяйства и дальнейшей индустриализации: они действуют исключительно в своих собственных интересах, в интересах коммунистического нового класса. Сначала они руководили и управляли всей экономикой во имя провозглашенных ими идеальных целей, а теперь они это делают, чтобы удержать в своих руках абсолютную власть над хозяйством и над страной».

«Принудительный труд в коммунистической системе это результат партийной монополии на собственность всего или почти всего народного имущества. Рабочий оказывается в таком положении, что он вынужден не только продавать свой труд, но еще и продавать его в условиях, которых он не может изменить, поскольку он лишен возможности искать другого, лучшего работодателя. Есть только один работодатель — государство. Рабочему ничего другого не остается, как принять условия этого работодателя».

«Забастовки при коммунизме невозможны прежде всего потому, что есть только один собственник, который распоряжается всеми продуктами производства и всей рабочей силой. Было бы трудно провести против него сколько-нибудь действенную акцию без участия в ней всех рабочих. Забастовка на одном или на нескольких предприятиях, даже если предположить, что она вообще могла бы состояться при тоталитарной диктатуре, не была бы для такого собственника большой угрозой. Его собственность состоит не из отдельных предприятий, ему принадлежит весь аппарат производства. Ему не страшны потери на отдельных пред-

приятнях, потому что тем, кто работает на этих предприятиях или обществу в целом, приходится покрывать эти потери. Вследствие этого, забастовки для коммунистов — скорей политическая, чем экономическая проблема.

Если отдельные забастовки почти невозможны и безнадежны в отношении своих результатов, то для всеобщих забастовок нет соответствующих политических условий, и они могут происходить только в исключительных случаях».

Особенно интересна трактовка Джиласом вопроса о безработице — того вопроса, который до крайности затуманен и извращен коммунистической пропагандой:

«Хвастливое утверждение, что при коммунистической системе не существует безработицы, не может скрыть язв, становящихся очевидными при внимательном изучении вопроса. Поскольку всеми продуктами производства распоряжается одна единственная социальная группа, все производство, как и все вопросы рабочей силы, должны стать объектом планирования. Большую роль в планировании играют политические соображения, а это неизбежно приводит к тому, что в промышленности сохраняется целый ряд отраслей, которые существуют лишь за счет других ее отраслей. Таким образом планирование служит прикрытием для фактической безработицы. Как только отдельные секторы народного хозяйства получают больше свободы, или как только режим найдет, что ему незачем поддерживать одну отрасль промышленности за счет другой, безработица проявится открыто. Более тесная связь с мировым рынком тоже может содействовать такой децентрализации хозяйства.

Можно сказать таким образом, что отсутствие безработицы, это результат не коммунистического «социализма», а экономической политики, проводящейся по приказу сверху. В конечном счете, это результат несогласованности и непроизводительности труда. Отсутствие безработицы показывает не мощь, а слабость коммунистической экономики.

В Югославии был недостаток рабочей силы до тех пор, пока не удалось добиться достаточной производительности труда. Как только это произошло, появилась безработица. И она стала бы еще сильнее, если бы Югославия достигла максимальной производительности труда.

В коммунистической экономике отсутствие безработицы означает скрытую безработицу. Нужда, в которой живут все граждане, прикрывает безработицу некоторых из них, точно так же, как необычайное развитие некоторых секторов экономики прикрывает отсталость других секторов».

Прекрасное объяснение дает Джилас тем «чудесам» советской экономики, которые время от времени не только поражают многих граждан западного мира, но и заставляют некоторых из них поверить пропагандной басне о «преимуществах социалистической системы экономики перед всеми остальными системами»:

«Во всех коммунистических системах упор в планировании всегда делается на развитие тех отраслей производства, которым приписывается решающее значение для сохранения политической устойчивости режима. Это те отрасли, развитие которых способствует росту значения, власти и привилегий бюрократии, а также те, что укрепляют режим в его отношениях с другими странами и дают ему возможность усиливать индустриализацию. До сих пор это были тяжелая и военная промышленность. Это не значит, однако, что в той или другой стране положение не может измениться. С недавних пор, особенно в Советском Союзе, первое место в планировании заняла атомная энергия, и, можно сказать, что в этом сыграли роль прежде всего соображения военного и внешне-политического характера.

Этим целям подчиняется все. Поэтому многие отрасли хозяйства отстают и работают нерентабельно; неизбежны трудности и перебои в развитии; чрезмерная себестоимость продукции и инфляция — постоянные явления. По данным Андре Филиппа («Нью Лидер» от 1-го октября 1956 г.), вложения в тяжелую промышленность в Советском Союзе с 53,3% общих капиталовложений в 1954 году возросли до 60% в 1955-м. Двадцать один процент чистого народного дохода вкладывается в промышленность, хотя тяжелая промышленность содействовала увеличению дохода на душу населения лишь в размере 7,4%, причем 6,4% проистекали из увеличения производства.

Вполне понятно, почему при данных условиях новые собственники меньше всего заботятся о жизненном уровне трудящихся, хотя Маркс и утверждал, что люди — самый

важный фактор в производстве. Английский публицист Эдвард Крэнкшоу, стоящий близко к кругам английской лейбористской партии, пишет, что тем, кто зарабатывает в Советском Союзе меньше 600 рублей в месяц, приходится вести тяжелую борьбу за существование. Гарри Шварц, главный специалист газеты «Нью-Йорк таймс» по советским делам, высчитал, что около восьми миллионов рабочих в Советском Союзе зарабатывают меньше 300 рублей в месяц, а «Трибюн» — еженедельник, выражающий взгляды левого крыла английской лейбористской партии — поясняет по этому поводу, что именно эта **экономическая** причина, а вовсе не равноправие, объясняет, почему в Советском Союзе большое число женщин заняты тяжелым ручным трудом. Кстати сказать, недавнее увеличение заработной платы на 30% относилось именно к этим низко оплачиваемым группам советских рабочих.

Таково положение в Советском Союзе. Немногим отличается и положение в других коммунистических странах, даже таких, в техническом отношении весьма развитых, как Чехословакия».

УГНЕТЕНИЕ ДУХА

Степень важности вопроса, разбираемого в этой главе, выражена Джиласом в таких словах:

«История простит коммунистам многое; она признает, что многие их жестокости были вызваны условиями времени и необходимостью самозащиты. Но удушение всех несогласий, всякой самостоятельной мысли, угнетение духа ради защиты своих личных интересов — это, в глазах истории, навсегда пригвоздит коммунистов к позорному столбу».

А вот дальнейшие выписки на эту тему:

«Было бы лишь отчасти правильно искать корни той тирании над мышлением, которую коммунисты осуществляют с прямо-таки хирургической утонченностью, когда приходят к власти, в самой коммунистической философии. Правда, коммунистический материализм — едва ли не самое нетер-

пимое и замкнутое в себе из всех современных мировоззрений. Последователи его так им заморожены, что уже не могут стать ни на какую другую точку зрения. Но если бы это мировоззрение не было связано с особыми формами собственности и государственного строя, нельзя было бы им одним объяснить те чудовищные методы подавления и разрушения человеческого мышления, которые применяют его сторонники».

«Вся система воспитания да и вся вообще общественная и умственная деятельность организуется сверху именно с тем расчетом, чтобы внушать гражданам такого рода поведение. От колыбели до могилы каждый отдельный гражданин «окружен заботой» правящей партии, которая неусыпно печется о его совести и о его сознательности. Журналисты, идеологи, наемные писаки, специальные школы, утвержденные свыше идеи и огромные материальные средства — все это используется для такого «строительства социализма». При ближайшем рассмотрении, других органов печати, кроме официальных, не существует. И точно так же обстоит дело с радиовещанием и другими подобными орудиями воздействия на граждан.

Но результаты всего этого не велики. Во всяком случае они совершенно не соответствуют затраченным средствам и усилиям. Убежден во всем, в чем следует быть убежденным, собственно один лишь новый класс, который и убеждать было незачем. Значительные результаты достигнуты лишь в том отношении, что всякая возможность для граждан выразить свое особое мнение в корне устранена».

Дальнейшие главы книги Джиласа озаглавлены: «Цель и средства»; «Сущность коммунизма»; «Национальный коммунизм»; «Современный мир». Мы приведем из них лишь разрозненные цитаты, представляющие, на наш взгляд, самодовлеющий интерес; тем более что основное содержание концепции Джиласа в общем исчерпывается предыдущими главами.

«Мир видел не много героев, всегда готовых к самопожертвованию и страданию, таких, какими были коммуни-

сты накануне и во время революции. Но, пожалуй, не видал он и таких бесхарактерных отбросов человечества, таких защищающих бесплодные формулы тупиц, какими становятся коммунисты, достигнув власти. Те замечательные моральные черты были условием для создания и роста движения, а нетерпимый кастовый дух и полное отсутствие морали стали условием для сохранения завоеванной им власти. Честь, искренность, самопожертвование и любовь к истине были некогда чем-то, что ценилось само по себе; ныне же сознательная ложь, низкопоклонство, клевета, обман и провокация постепенно становятся неизбежными спутниками мрачной, нетерпимой, но всеобъемлющей власти нового класса, и отражаются даже на отношениях между людьми, образующими этот класс.

Тот, кто не понял этой диалектики в развитии коммунизма, не в состоянии понять ни так называемых «московских процессов», ни того, почему периодические моральные кризисы коммунизма, вызванные отказом от принципов, еще недавно считавшихся священными, не могут иметь для него то значение, какое они имели бы для обыкновенных людей или для других политических движений.

Хрущев признал, что избиение заключенных играло решающую роль в их так называемых «признаниях» и самообвинениях во время сталинских чисток. Он утверждал, что наркотики при этом не применялись, хотя есть доказательства, что прибегали и к ним. Но самым мощным наркотиком для получения вынужденных признаний было моральное состояние обвиняемого.

Обычные преступники, то-есть не коммунисты, не впадают в транс, не делают истерических признаний и не молят о смерти в качестве кары за свои грехи. Это делали только люди «особой складки», коммунисты, предварительно испытав моральный шок от избиений и пыток, которым они подвергались по распоряжению партийной верхушки. В полную ее аморальность они верить не могли, даже если им и случалось прежде ее критиковать. Они были сбиты с толку, почва ушла у них из-под ног; они были невинны, но их собственный класс пригвоздил их к позорному столбу как преступников и изменников. Они были воспитаны в

убеждении, постоянно провозглашавшемся ими, что всеми фибрами своего существа они связаны с партией и ее идеалами. Теперь они совершенно растерялись. Они ничего не знали или все забыли, или отреклись от всего, что было вне коммунистической секты и узкой ее идеологии. Теперь было слишком поздно для них обратиться к чему-либо иному. Они были в полном одиночестве».

«Что же делать такому морально уничтоженному, лишенному всякой опоры сектанту, подвергаемому к тому же самым утонченным и жестоким пыткам, как не попытаться оказать услугу своему классу, своим «товарищам», требуемыми от него «признаниями»?»

«Само советское руководство теперь уже не то, каким оно когда-то было. Оно утратило монополию на новые идеи и моральное право предписывать единственно дозволенную политическую линию. Отрекшись от Сталина, оно отключилось и от своего идеологического главенства. В самом Советском Союзе эпоха коммунистических самодержцев пришла к концу и началось царствование посредственных коммунистических бюрократов».

«Мировой центр коммунистической идеологии находится в полном распаде. Единство мирового коммунистического движения нарушено и нет никаких признаков того, что его можно будет восстановить».

«Национальный коммунизм, несмотря на его стремление дать новый импульс коммунизму и укрепить его, представляет собой ересь, которая подтачивает коммунизм в самой его основе. Национальный коммунизм внутренне противоречив. Сущность его та же, что и сущность советского коммунизма, но он хочет оторваться от него и стать чем-то самостоятельным, заключенным в пределы одной страны. Национальный коммунизм — это начинающееся разложение коммунизма».

Заключение книги Милована Джиласа «Новый класс» звучит оптимистически. И это тем более примечательно, что автор этих оптимистических прогнозов — крупнейший эксперт по части коммунистического режима:

«Чем дольше какой-нибудь класс, партия или единоличный диктатор удерживают в своих руках неограниченную власть и удушают критику, тем неизбежней начинают они подходить к действительности с произвольной, узкой и фальшивой меркой.

Именно это и происходит сейчас с коммунистическими правителями. Они больше не хозяева своих решений; действительность диктует им эти решения. Можно даже сказать, что в результате они стали трезвей, практичней. Но большого толку тем не менее от этого не получается. Слишком уж плохо они разбираются в действительности, слишком уж видят ее в свете своих предвзятых взглядов. Обветшавшая идеология, старое привычное доктринерство, побуждают их к решениям, от которых им потом приходится отречься. Они спотыкаются, отступают, тянут то вперед, то назад. Остается лишь выразить надежду, что в будущем зрелое размышление возьмет верх. Если коммунисты начнут подходить к действительности более здраво, коммунизм от этого, пожалуй, и пострадает, но они, как люди и все человечество в целом от этого только выиграют.

Во всяком случае, мир будет меняться, будет развиваться в том направлении, в котором только и может идти его развитие, — в направлении все растущего единства, прогресса и свободы. Действительность, живая жизнь всегда были и всегда будут сильнее, чем любая грубая сила, чем любая предвзятая теория».

ГОВАРД ФАСТ

Говард Фаст — американский писатель и общественный деятель. Из коммунистической партии вышел в прошлом году после многолетнего в ней пребывания. Ниже мы печатаем выдержки из статьи Говарда Фаста, которую он опубликовал в американском левом журнале «Мейнстрем» вскоре после своего выхода из компартии.

«Я порвал с коммунизмом по двум причинам: во-первых, я считал этот шаг единственным способом для выражения

активного протеста против событий, происходящих в коммунистическом мире; во-вторых, потому что я чувствовал, что коммунистическая партия Соединенных Штатов пришла в такое состояние, при котором она не способна участвовать в деле борьбы за демократию и социальную справедливость.

Мне, как и многим другим членам коммунистической партии, задолго до опубликования секретной речи Хрущева, становилось ясно, что в коммунистическом движении происходит что-то глубоко неладное. Все это не могло не отразиться как на мне, так и на многих других американских коммунистах. Но даже это не подготовило нас к тем поистине дьявольским признаниям, которые сделал Хрущев в своей речи на закрытом заседании Двадцатого съезда.

Во мне кипело чувство отвращения и презрения. Я ощущал чувство непреодолимой тошноты при мысли о том, что всей своей деятельностью я защищал и поддерживал эту бойню. Я ощущал, что пал жертвой невиданной в новой истории мистификации. Мне тогда впервые стала ясной тупость Хрущева. Он не только приписывал все эти ужасы одному человеку — Сталину, но и пытался цинично объяснить их всего лишь «культом личности».

После чтения хрущевской речи у меня что-то оборвалось внутри, во мне произошел глубокий душевный перелом. Однако я ждал целых девять месяцев, прежде чем совершить шаг, который я сейчас пытаюсь объяснить в своей статье. Я ждал потому, что для меня все это являлось вопросом всей моей жизни. Я ждал потому, что некоторые мои друзья, которых я уважаю, приводили мне следующий довод: «Гораздо лучше взглянуть правде в глаза, чем жить в постоянном неведении правды. Не забывай, что советские руководители сами подняли этот вопрос. Теперь все изменится: Сталин мертв и у власти находятся новые люди, которые сами хотят изменений».

Что же произошло за эти девять месяцев? Прежде всего, в дополнение к секретной речи, стали известными некоторые другие факты. В частности, стало известно о том, что в 1939 году были ликвидированы руководящие работники польской коммунистической партии. Сотни храбрых и честных сынов Польши были убиты Сталиным и его приближенными. Из статьи опубликованной в еврейской комму-

нистической газете, выходящей в Польше, «Фольскштимме», мы узнали, что происходило в Советском Союзе с еврейской культурой, мы узнали, как одна за другой закрывались еврейские газеты и школы, как производились чистки среди еврейской интеллигенции. Из многих других источников постоянно поступали сведения об атмосфере страха, царящей среди евреев Советского Союза в результате проводимой по отношению к ним политики террора.

Как можно объяснить такое положение вещей после того, как гитлеровцы уничтожили шесть миллионов евреев? От самого же Хрущева мы получили уроки его дипломатии — дипломатии, состоящей из оскорблений и грубостей. В результате египетского кризиса мы познакомились с «новой» тактикой советского министерства иностранных дел, тактикой, которая привела мир на грань третьей мировой войны.

В результате событий в Венгрии, в результате трагедии, постигшей эту страну, нам пришлось познакомиться с «новым» видом социализма — **социализма убийств и террора**.

Советское руководство следует осудить не только за покровительство преступлениям Сталина, но и за то, что, после разоблачения этих преступлений, советское руководство продолжает практику нетерпимости и догматического произвола.

Я пришел к убеждению, что в самой структуре и в историческом развитии коммунистических партий, какими мы знали их за последние годы, есть непреодолимое противоречие с той социалистической демократией, которую они называют своей конечной целью. В их программе говорится о свободе, но сама их структура исключает свободу внутри партии; они выступают против насилия, но их власть построена на насилии, а партийная практика душит самую мысль об освобождении. Историческое развитие коммунистических партий шло в направлении все разрастающейся и все более неподвижной бюрократии; само это развитие создает эгоистический и лишенный человеческих чувств правящий слой. Оно привело к тому, что угроза смены правительства начинает рассматриваться руководством, как угроза всему государственному строю.

После секретного доклада Хрущева, я стал получать множество писем из разных европейских стран, в которых

меня молили о помощи, как будто я обладал какой-то властью, чтобы прекратить террор и страдания, выпавшие на долю авторов этих писем.

Мне не доставляет радости писать эти строки. Я пишу их с отвращением и болью в душе. Но я не хочу и не могу молчать. То, во что я верил, рухнуло. Но я продолжаю верить, что человечество не отвернется от социалистической демократии и от стремления к тому, построенному на добре обществу, которое мы когда-нибудь создадим. Никакая стоящая у власти клика людей с мелкими душонками и бесчеловечными методами не может без конца сопротивляться ходу истории».

АЛЬФРЕД КАНТОРОВИЦ

В конце августа 1957 года из Восточного Берлина в Западный перешел виднейший германский литературовед, директор Института германистики при Восточноберлинском университете имени Гумбольдта, профессор Альфред Канторовиц. Канторовиц — член коммунистической партии с 1931 года. Во время гражданской войны в Испании он принимал активное участие в организации «Интернациональной бригады». В Большой Советской Энциклопедии помещена биография Канторовица.

И вот этот же самый Альфред Канторовиц «сжег все, чему поклонялся, поклонился тому, что сжигал».

Приводим выдержки из его теперешних статей и интервью на Западе.

«Я принимал личное участие в борьбе против фашистского варварства, но теперь я убедился, что с таким же самым варварством я сталкиваюсь в так называемой «Германской Демократической Республике».

«Уход оттуда я откладывал с году на год, все надеясь, что окружающая меня грубость, глупость, насилие, несправедливость, бесконечный мутный поток лжи, удушение духовной свободы, что все это — только судороги переходного времени. Но наступили события последних лет, начиная с восстания берлинских рабочих в июне 1953 года до венгерской траге-

дии, поднялась новая волна террора против интеллигенции, новый террор подручных Ульбрихта, и я утратил последнюю надежду, утратил все иллюзии, что из окружающей меня грязи сможет возникнуть когда-нибудь новый и лучший мир».

«Все мои надежды на то, что социализм удастся построить гуманитарными методами, рухнули. Я был подавлен тем, что видел перед своими глазами; я задыхался в той атмосфере террора, глупости и бесправия, которая установилась в советской зоне Германии».

«Мой старый друг Говард Фаст, который долгое время пользовался в Советском Союзе большой популярностью, находится в таком же положении, как и я. Теперь мы должны сообща обдумать наше положение и научиться мыслить по-новому».

«Венгерская революция оказалась для меня той последней каплей, которая переполнила чашу. После нее я, как и Говард Фаст, как Милован Джилас, должен был порвать с прошлым».

«Я не мог более закрывать глаза на мешавший мне жить трагический парадокс: что я сам в какой-то мере способствовал победе того, против чего я, как мне казалось, всегда боролся. Я боролся всю жизнь за власть народа, но вместо власти народа возникла диктатура партийных аппаратчиков, и так случилось, что я сам способствовал победе бесправия, эксплуатации рабочих, порабощению интеллигенции, произволу клики людей, позорящих понятие социализма, как когда-то нацисты позорили имя Германии».
